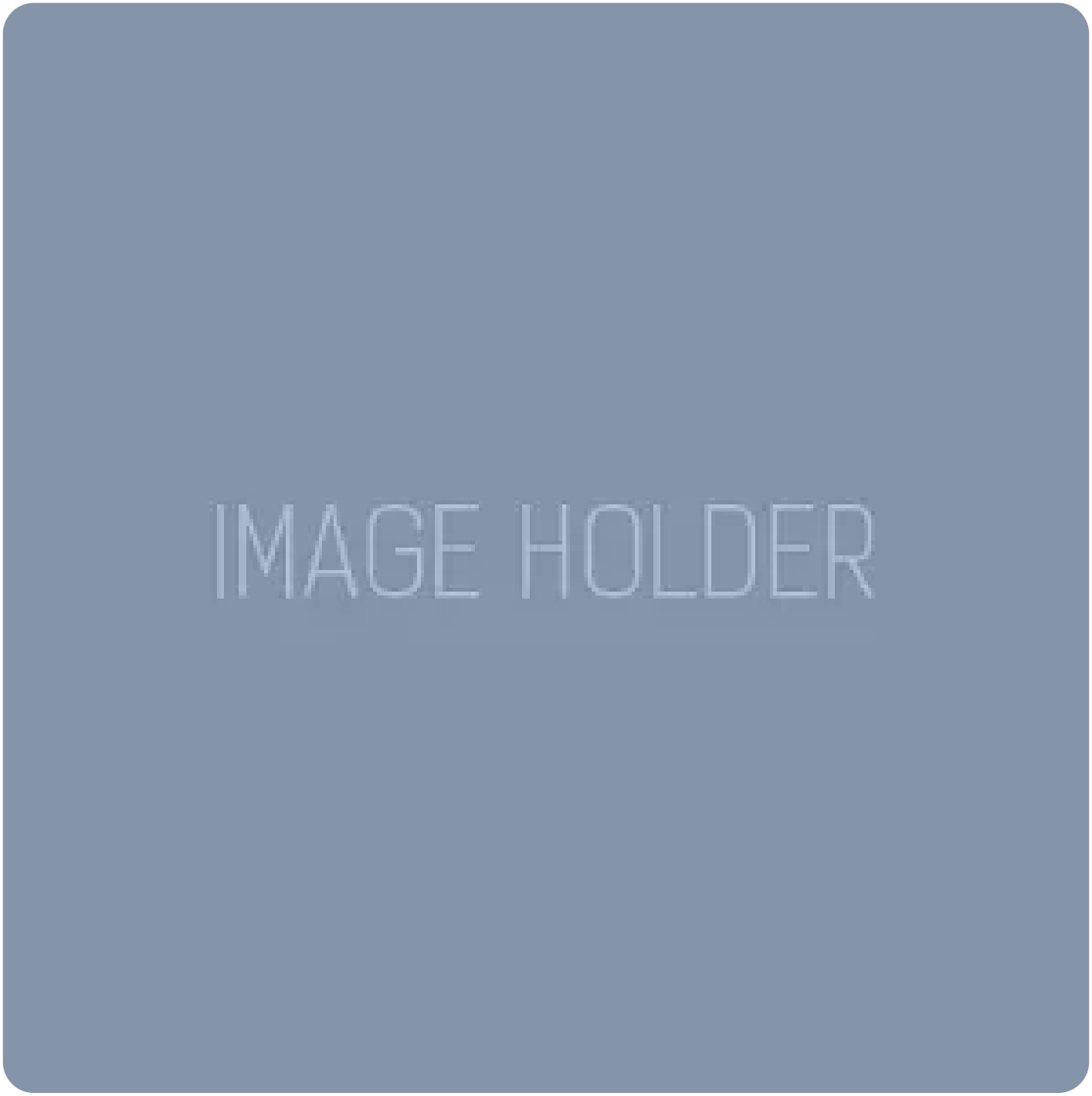

Часовщик

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Рыжук

Ссылка на публикацию

Жил на окраине города обычный человек под фамилией Фёдоров. Он не был знаменитостью; не бунтарь, не герой, не открывал новых земель и не сочинял музыку, которую знают все. Просто каждый день ходил на работу, здоровался с соседями, помогал, если только мог, и жил, как большинство.

День у него начинался всегда одинаково с предыдущими: будильник в семь, бутерброд с колбасой и маслом, чашка чая с молоком и утренние новости. Он включал их, не пытаясь докопаться до сути правды, а только потому, что так делают все. Иногда он говорил: «Вот времена пошли», — но не из-за твёрдых убеждений, а чтобы просто поддержать разговор.

На работу он ездил всегда на трамвае. Пролистывал и обновлял ленты каждую минуту, с каждым новым днем, принимая любую доступную информацию. Там были мемы, которые сейчас у всех на слуху, трейлеры самых популярных фильмов и статьи с разными тематическим заголовками. Фёдоров, как можно чаще комментировал посты, не пропуская не одного из виду; делал репосты, сохранял ссылки под предлогом: «важно». Короче, жил он одинаково как и все остальные, не выделяясь ничем.

Работал он в мастерской по ремонту часов. Люди приходили с обычными просьбами: поменять батарейки, заменить ремешки, починить, что-то подкрутить, сделать так, чтобы всё работало. Фёдоров шибко не старался придумать что-то особенно-уникальное, а просто делал что умел, что получалось лучше всего.

Однажды в полдень, в промежутке между двенадцатью и часом дня, к нему подошел сгорбленный и дрожащий пожилой мужчина. Его лицо, испещренное глубокими морщинами, выражало крайнюю немощь, а обвисший подбородок судорожно подрагивал — старик едва удерживал в закрытом положении свою готовую отвиснуть челюсть.

Невысокий пожилой мужчина робко протянул ему руку. На его запястье тикали редкие довоенные часы, сохранившиеся еще с прошлых времен. Старику всего-то и нужно было, чтобы мастер подвел стрелки — минутное дело, от силы на несколько секунд. Но вместо этого мастеру пришлось целую четверть часа выслушивать сбивчивую исповедь. Старик с каким-то особым трепетом пытался объяснить значимость своей реликвии, словно сомневался, что Фёдоров способен оценить всю драгоценность этих наручных часов. Он наблюдал за ним: каждое движение старика было тягучим, выверенным и долгим.

— Поаккуратнее, сынок, — тихо, с придыханием прошелестел старик, бережно поглаживая мутное стекло пальцем. — Они ведь всю войну со мной прошли. В них вся моя жизнь осталась…

Часовщик молча кивнул.

— Гм… интересно! Какой старый механизм. Ничего подобного не видал. Сколько часов переделал, но чтобы такого!…

Логика его профессии бессильно пасовала.

Вглядываясь в пожелтевший циферблат, он с нарастающим изумлением понял: секундная стрелка часов стояла на месте, но внутренний механизм при этом продолжал отчетливо, глубоко пульсировать. Это не было похоже на обычный стук шестеренок. Звук шел как будто из самой стали, напоминая ровное, глухое сердцебиение. Более того, Фёдорову показалось, что минутная стрелка двигалась не по кругу, а едва заметно колебалась в такт прерывистому дыханию самого старика. Это было то, чего он никогда, ни разу в жизни не замечал у остальных людей, приходивших с теми же просьбами отремонтировать их приборы. Часы казались не просто деталью гардероба, а продолжением живого тела, мистически связанным со своим хозяином.

Пока мастер пытался разобраться, старик накренился в сторону и уперся взглядом на его руки и только и делал, что слушал его недоходчивый бубнёж.

— Думаю… — он медленно поднял голову, прерывисто взглянув на старика, — думаю, работать будут исправно. Надежная вещица, редкая.

Чтобы больше не утомлять его распросами, он оставил свои попытки разузнать правду. Избегая любых резких движений, он мягко взял мужчину за худощавую руку и застегнул потертый ремешок часов. Металлический корпус едва заметно блеснул, поймав тусклый отсвет витрины, а секундная стрелка стала торопливо наворачивать круги по циферблату.

— Идут, секунда в секунду,— негромко сказал Фёдоров, и его собственный голос показался ему непривычным.

Старик даже дышать стал ровнее. Он осторожно коснулся циферблата, проверяя, не приснилась ли ему эта секунда покоя, и тихо, почти шёпотом, сказал:

— Спасибо, сынок. Ты их услышал. Это ведь самое главное — услышать.

Часовщик Фёдоров хотел было ответить что-то обычное, вроде «да ладно, пустяки», но слова застряли где-то в горле. В мастерской повисла тишина, в которой слышно было только привычное тиканье других часов, без всяких тайн. И эта обыденность вдруг показалась ему удивительно надёжной.

Старик ещё постоял, собираясь с силами, потом медленно кивнул, подтверждая что-то только ему известное, и повернулся к двери. Уже у порога он остановился, потом обернулся и посмотрел на него так, будто видел его впервые. А Фёдоров остался стоять посреди мастерской, сжимая в пальцах

маленькую отвёртку, которую даже не успел убрать.

Остаток дня тянулся как обычно: приходили люди, просили поменять батарейки, подрегулировать ремешки, спрашивали, сколько будет стоить починить старые часы и так далее. А сам мастер Фёдоров делал всё то же, что и всегда: измерял, подкручивал, советовал и улыбался в нужных местах.

Вечером, закрывая мастерскую, Фёдоров задержался у витрины. Он посмотрел на ряды часов — на все эти циферблаты, стрелки, стёкла — и подумал о том, что ведь каждый из этих приборов хранит чью-то маленькую историю. Кто-то купил их на первую зарплату, кто-то получил в подарок, кто-то носил в долгие командировки, а кто-то просто привык к их тихому тиканью рядом.

Он выключил свет, запер дверь и пошёл к трамвайной остановке. По привычке достал телефон, чтобы также привычно пролистать ленту, затем остановился, взглянул на свою левую руку с часами и вслушался в тиканье, осознавая всю суть своего собственного времени, что текло своим чередом, то ли быстро, то ли медленно.

И, может быть, впервые в жизни Фёдоров подумал, что быть «как все» — это не значит быть незаметным. Это значит быть частью чего-то большого и тихого, где у каждого есть своя маленькая история, свой отсчёт времени, свой ритм. И иногда достаточно просто услышать этот ритм, чтобы день стал чуть светлее.